

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23
УДК 329.8(045)

Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий*

С.П. Митрахович

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об эволюции теоретических и нормативных представлений о роли гражданского общества и политических партий в их отношении с государством и влиянии на общественные процессы и экономику на современном этапе. Большинство концепций, предлагающих теоретическую рефлексию по данному вопросу, появились на Западе, и в силу западного влияния были заимствованы Россией и другими странами, где европеизировали сам дискурс гражданского общества и политических партий. Однако формальное следование европейской интеллектуальной моде в наиболее амбициозных странах BRICS привело на деле к формированию собственных аналитических и нормативных взглядов на предмет, лишь внешне напоминающих западные первоисточники. При этом использование переосмысленных европейских взглядов при модернизации собственного дискурса гражданского общества и политических партий позволяет придать этому дискурсу respectable имидж, а государству – эффективно задействовать его и для внутривнутриполитических целей, и при концептуальных внешнеполитических спорах с той же Европой.

Ключевые слова: европеизация; гражданское общество; политические партии; неинституционализм

Для цитирования: Митрахович С.П. Европеизация и модернизация дискурса гражданского общества и политических партий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2019;9(6):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

ORIGINAL PAPER

Europeanization and Modernization of the Discourse of Civil Society and Political Parties**

S.P. Mitrakhovich

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-2252-6006>

ABSTRACT

The article examines the evolution at the present stage of theoretical and normative ideas about the role of civil society and political parties in their relationship with the state and their influence on social processes and the economy. Most concepts, offering theoretical reflexion on this issue, appeared in the West, and due to Western influence was borrowed by Russia and other countries, where the discourse of civil society and political parties itself was Europeanized. However, the formal adherence to European intellectual fashion in the most ambitious BRICS countries has now led to the formation of its own analytical and regulatory views on the subject, only externally resembling Western primary sources. At the same time, the use of rethought European views in modernising the own discourse of civil society and political parties allows to give this discourse a respectable image and to be effectively used by the state both for domestic political purposes and in conceptual foreign policy disputes with Europe itself.

Keywords: Europeanization; civil society; political parties; neoinstitutionalism

For citation: Mitrakhovich S.P. Europeanization and modernization of the discourse of civil society and political parties. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2019;9(6):18-23. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-18-23

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article is prepared according to the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on the state task of the Financial University.

К началу XXI в. и в академической науке, и на уровне общественного дискурса и политических идеологий стал заметен совершенно явный тренд на объединение вопросов о развитии гражданского общества, институтов государства, политических партий и субъектов экономической деятельности в рамки больших концепций. Концепции эти носят как эвристический (предлагают себя в качестве объясняющей модели для развития человеческих обществ), так и нормативный характер, предписывающей оптимальное поведение и соответствующий политический курс. Соответственно, теории меняют весь актуальный дискурс, совокупность взаимодействующих точек зрения по вопросам того, почему и как организованы политические процессы и как их нужно оптимизировать. Причем, наиболее популярные теории появились на Западе и в Европе (в них описывался преимущественно американский или европейский опыт), а потом были заимствованы и в иных регионах мира, — зачастую, как в случае со странами BRICS, в модифицированном виде.

К числу таких популярных теорий относится, например, ставшая «знаменем» многих академических ученых (изначально — экономистов, позже — социологов, политологов, юристов) и действующих политиков неинституциональная теория, разработанная Дугласом Нормом и его коллегами (Нобелевская премия 1993 г.). По своей популярности и попыткам охватить все темы ее вполне можно сравнить с марксизмом времен его расцвета в обществоведении и гуманитаристике (ответвления от марксизма до сих пор очень популярны, то же самое можно сказать и про ответвления от институционализма). Именно через неинституционализм стало возможно говорить о серьезном переплетении «соседних» академических дисциплин. Неинституциональная теория не только описывает социальные процессы (включая экономические и политические сюжеты) через призму анализа правил игры (зачастую неформальных, учитывающих социально-культурные факторы, традиции и формы самоорганизации), но и очень часто используется в качестве содержательной части стратегических программ отдельных политиков или организаций — от политических партий в конкретных государствах до международных структур уровня МВФ. Руководствуясь представлениями о необходимости создания

«правильных» правил игры, тот же МВФ требует от стран-реципиентов помощи для проведения институциональных реформ, в том числе и в вопросах развития гражданского общества и политических партий — раз эти субъекты социального процесса оказываются связанными с характеристиками экономического роста в стране.

Аналогичные требования во многих государствах предъявляют к власти сторонники построения институтов западного типа как способа ускорения экономического роста и общего повышения качества жизни. «Институциональные рецепты», как правило, противопоставляются политическому курсу, предполагающему активное государственное вмешательство в экономику. При этом парадоксальным образом требование пересмотра правил игры в обществе, идущее «снизу», — от общественных организацией, политических партий и лидеров мнений — преобразуется, в случае успеха, в государственную политику по трансформации общества до такой степени, что для успешного проведения и закрепления данной трансформации требуется очень сильное государство, способное преодолеть сопротивление социальных групп, недовольных реформами. Что, кстати, ставит очень большие вопросы о соотношении демократии и автократии в обществе будущего, которое строится под лозунгами социальных и технологических, в том числе коммуникативных (меняющих соотношение частного и публичного пространств), инноваций.

Набор предлагаемых институтов часто очень широк: от условно развитой партийной системы с парламентским контролем над правительством и независимыми судами до реализации набора мер в поддержку тех или иных меньшинств. Считается, что все эти институты необходимы для социального и экономического прогресса. Так, известный теоретик креативного класса Ричард Флорида, работы которого особенно широко обсуждались в России (в том числе лоялистски настроенными интеллектуалами из журнала «Эксперт») в период экономического кризиса 2008–2009 гг. и общественных протестов 2010–2011 гг. в контексте дискуссий об «офисном планктоне», хипстерах и пр., является автором так называемого «гей-индекса» (Gayindex) [1, 2]. По мнению Флориды, открытость в отношении сексуальных меньшинств является хорошим индикатором наличия низких барьеров для человеческого капитала. Следовательно, места, которые являются центрами инновационной экономики, являются

крайне популярными для проживания гей-сообщества и наоборот. В полном соответствии с концепцией Флориды из среды российских либералов звучали предложения об открытии «гей-квартала» в Сколково [3] с целью не только движения в сторону желаемой либералами социальной трансформации, но и для ускорения экономического роста. При этом осуществить данное начинание и провалить, очевидно, не слишком популярное в обществе решение должно было как раз государство, показав и доказав свою беневолянтную силу.

Близкими и взаимосвязанными с теорией неоинституционализма в аспекте ставки на изучение роли социальных институтов и социально-культурных факторов в целом при экономическом и политическом развитии стали теории социального капитала, человеческого капитала, человеческого развития и инклюзивного экономического роста. Данные теории оказались настолько влиятельными как объяснительные модели, что их стали использовать для обоснования политики в самых разных странах, включая и те, в которых и политическое устройство, и гражданское общество, и политические партии, и, собственно, культурные традиции в аспекте их влияния на общество были очень различными. Например, не будучи сторонниками концепций вроде «гей-индекса» (даже идущих от самых именитых западных социально-политических теоретиков современности), многие авторы и действующие политики тех же стран BRICS стали ссылаться на концепцию социального капитала и социальной инклюзии как необходимого элемента и для экономического роста (так называемого инклюзивного экономического роста), и для улучшения публично-правового управления (governance) и социального прогресса в целом. Те же западные библиотеки показывают огромный и постоянно растущий объем литературы обо всех возможных новых формах governance, публикуемой теми же китайскими авторами применительно к китайскому же опыту, хотя их трактовки и данных сюжетов, и вопросов развития гражданского общества очень сильно отличаются. Сходная ситуация имеет место и с российскими авторами, причем как академическими, так и из политической среды, пытающимися взаимодействовать с европейскими интеллектуальными и организационными контрагентами, но на своих условиях [4].

Базовая причина разногласий в видении и оценке развития отношений гражданского общества, политических партий и власти в значительной степени кроется в ракурсе ценностной составляющей анализа у различных теоретиков и практиков политики. Если большинство западных авторов, пишущих об успехах политических партий, гражданского общества и роли социальных структур, базирующихся на сетях доверия между людьми, видят успех именно в «самоорганизации людей снизу» и способности их потом вынудить или уговорить государство поменять свою политику, то те же авторы из BRICS и особенно из Китая видят успех гражданского общества и партийных структур тогда и там, где оно кооперируется с государством и вообще во многом идет за государством в общестрановом политическом и социальном процессе. При этом успех Китая в экономическом смысле, в аспекте технологического развития и повышения своей стратегической значимости на мировой арене неоспорим — отсюда и невозможность игнорировать «китайский тренд» или даже «китайский поворот» в социально-политических теориях и практике организации связей в треугольнике: власть-бизнес-гражданское общество.

Приведем пример с популярной теорией социального капитала. Тем своим видом, который получил наибольшее распространение и стал «интеллектуально модным» с конца 90-х гг., она обязана гарвардскому профессору Роберту Патнэму, описавшему реформы госуправления в Италии и пришедшему к выводу о принципиальной значимости сетей доверия (названных социальным капиталом) для эффективности работы государства и бизнеса, а также, собственно, для административных реформ. На юге Италии доверие людей друг к другу — в отличие от севера — было минимальным, как минимальным было и количество различных общественных и гражданских организаций. В итоге социальные связи существовали параллельно государству, работали мафиозные структуры, во многом основанные на доверии внутри «семьи» и подменявшие собой государство как регулятора правовых вопросов с полномочиями на легальное насилие. Качество госаппарата (включая администраторов, полицию, суды) было низким, как относительно низким был и уровень экономического развития, которому мешала коррупция. На севере же Италии социальные связи были куда прочнее, люди доверяли друг другу больше, в рамках общест-

венных организаций принимали участие в самоуправлении, потому условия и для бизнеса, и для эффективной бюрократии были намного лучше.

Если Патнэм видит соотношение взаимовлияния гражданского общества, партий и государства как идущее и определяющее тенденции «снизу-вверх», то те же авторы из BRICS, увлекшиеся интерпретациями данной теории и ее производных, стали больше говорить о роли государства, которое по схеме «сверху-вниз» включает в общественный и социальный прогресс отдельные группы граждан. Доверие граждан здесь должно заслужить и организовать само государство — именно тогда будет возможен и инклюзивный экономический рост, и вовлечение в страновой успех аутсайдерских групп. Как пишет, например, Сангмун Ким из Университета Гонконга, китайский опыт конфуцианства с его ролью семьи, семейно-центричного взгляда на мир (метафорически распространяемой на общественно-государственные отношения) и ограничением морального индивидуализма является прямой альтернативой западному либеральному гражданскому обществу [5].

Власть и возможности государства в подобной модели по отношению к общественным структурам и политическим партиям оказываются больше, чем в модели либерального устройства. Западная же (например, как у Патнэма) концепция доверия семейного типа, когда объединяются в *civility* (пространство гражданственности), оказывается неспособной полноценно учесть опыт Китая — и она же оказывается не в состоянии объяснить современный китайский успех. Конфуцианские модели в значительной степени позаимствовал коммунистический режим, создавая альтернативу либеральному социальному капиталу и гражданскому обществу в вовлечении всего населения в «пространство всеобщей принадлежности, исключаящее наличие явных чужаков» (*relational strangership*).

Государственно-центричный взгляд на гражданское общество и политические партии, который его сторонники считают оптимальным для ряда стран вариантом вовлечения общественных групп и структур в процесс публичной политики и соуправления, рассматривается многими авторами на Западе (особенно применительно к Китаю, России, и еще многим государствам) как форма извращения базовой идеи гражданского общества, партиципаторности, общественного управления и т.д. Заодно подобный «китайский

уклон» рассматривается как форма обоснования авторитаризма, в том числе базирующегося и на новых цифровых технологиях (своего рода «цифрового авторитаризма») с жестким контролем цифровых коммуникаций, с недопущениями нежелательных для авторитарного правящего режима идейных или ценностных отклонений. Более того, многим авторам приходится пересматривать весь социально-технологический оптимизм западной литературы времен «бархатных революций» и глобализации по схеме вашингтонского консенсуса. Ведь выясняется, что и технологические инновации, и связанные с ними социальные изменения могут вести вовсе не к тому обществу, которое виделось как универсальная модель для человечества.

Проблема для критиков «китайского уклона», тем не менее, связана не только с необходимостью скептически обосновывать нынешний уровень развития КНР или отрицать его. Существует проблема и в самих философских основах западных концепций гражданского общества: ведь даже в распространенных «либеральных» версиях западных теорий гражданского общества есть интерпретации как противопоставляющие гражданское общество государству, так и связывающие задачи государства и гражданского общества в некий общий процесс.

Речь идет о так называемых L- и M-парадигмах. Авторство данной терминологии принадлежит американскому политическому философу Адаму Селигмэну, разделившему парадигмы видения гражданского общества на идущие от Джона Локка (L-парадигма) и от Шарля Монтескье (соответственно, M-парадигма) [6].

Восходящая к Локку концепция описывает гражданское общество как некое этическое сообщество, способное жить по естественным законам до и вне политики. Локк был чужд описанию того догосударственного хаоса, который был характерен для построений Т. Гоббса. По Локку, в мире до политики (по крайней мере, государственной политики) вполне могут развиваться культура и экономика, а объединяются люди для решения лишь отдельных задач и отдельных неудобств прежней жизни. Соответственно, сам характер государственной власти оказывается вторичным: люди доверяют ему лишь то, что не могут сделать сами — например, если гражданское общество действует цивилизными (гражданскими методами), то от государства может потребоваться применить силу (военную, полицейскую). Если

же государство захочет сделать «слишком много», выйти за пределы вверенных ему полномочий, то оно просто потеряет доверие граждан и распадется («растворится»).

Смысл локковской парадигмы сводится к тому, что государство настолько зависит от базовых интенций гражданского общества (сам термин *civil society* использовали продолжатели Локка А. Фергюсон и А. Смит), т. е. от «общества граждан», «гражданского сообщества», что оно просто не рискнет нарушать общественный договор и вторгаться в жизнь граждан за пределами согласованных общественным договором обстоятельств. Иначе государство получит восстание, а поскольку оно — на уровне бюрократии и институтов — этого не захочет, то в работу государства в некотором смысле встроены «постоянно работающий предохранитель». Следовательно, нет смысла как-то серьезно опасаться «своего» государства, противостоять ему и противопоставлять себя ему — ни для граждан, ни для гражданских организаций.

Идущая же от Монтескье парадигма предполагает куда более конфликтно-центричный взгляд на политику и социальную жизнь. Монтескье в работе «О духе законов» много писал об угрозах вмешательства деспотического государства в жизнь граждан и групп населения и о необходимости защиты от этого вмешательства через различные институты. В числе последних виделись привилегии дворянства и духовенства, права гильдий и корпораций, вольности городов, городские муниципалитеты, парламенты — все это должно было сдерживать власть абсолютистских монархий. Монтескье описывает целые сообщества как находящиеся между обществом и государством и удерживающие государство от неправильного поведения — эти сообщества и есть «гражданское общество». Государство передавало часть своих полномочий указанным сообществам, в результате они приобретали характер «опосредующей власти» (без ее одобрения «настоящая» власть не могла делать все, что хотела). В любом случае Монтескье «четко обозначил будущее разделение государства и общества».

С конца XX в. М-парадигма стала особенно востребованной из-за «бархатных революций» и особенно сопровождавшей ее публицистики В. Гавела, весьма пафосно писавшего об огромной роли организаций гражданского общества в свержении авторитарных коммунистических режимов. Движения вроде польской «Солидарно-

сти» считались даже более важными структурами, чем политические партии в деле принуждения авторитарной власти к уходу и строительству на ее месте демократического государства (или, по крайней мере, такого, которое претендует на данный статус). В дальнейшем подобный подход прямо или косвенно переносился на описание транзитологами происходящих (например, на пространстве бывшего СССР) трансформаций либо ожидаемых в странах Азии и Африки.

Подобным подходам был свойственен предельный телеологизм: мало того, что практически от всех обществ ожидали перехода к демократии, (причем — либеральной, в варианте, близком к современному Западу), так еще и везде видели обязательную позитивную роль гражданского общества и особенно «прогрессивных» политических партий в этом процессе. Однако на деле «научный демократизм» (как образно назвал транзитологию известный российский историк и политолог С. Маркедонов, работавший в западных исследовательских центрах по изучению новых независимых государств на пространстве СССР) не сработал.

«Научным демократам» по поводу китайского гражданского общества пришлось писать о его подконтрольности власти (причем без обозримых перспектив на изменение ситуации). По поводу российского гражданского общества — также о его подконтрольности и общей слабости. Что выглядело не слишком убедительно на фоне стабильности режима и в КНР, и в РФ, даже еще и при довольно эффективном «творческом переосмыслении» властями этих стран западной L-парадигмы в своих интересах.

Применительно к России и процессам европеизации ее гражданского общества и политических партий в духе переосмысленной L-парадигмы писали европейские теоретики т. н. *network governance*. Авторы подобных взглядов пишут о России как об авторитарном либо гибридном режиме, но признают эффективное использование государством механизмов «сетевое соуправления» с лояльной частью гражданского общества и акторами общественно-политической жизни [7]. В итоге сама по себе российская политика не только и не столько осуждается, сколько признается частью общеевропейского тренда по реновации L-парадигмы в анализе государственно-общественных отношений с фокусом на первичную и ведущую роль именно государства.

Таким образом, можно сделать выводы, что актуальный дискурс многих авторов из BRICS об эволюции отношений политических партий, гражданского общества, бизнеса и власти с «прогосударственных позиций» оказался заимствованным из некоторых западных концепций, которые, вопреки частому заблуждению, не ушли полностью с повестки дня. Более того, западная политика идентичностей (identity politics),

идеология и практика политкорректности, позитивной дискриминации («аффирмативных действий») как раз и вызывает опять к жизни концепции гражданского общества и политических партий, напрямую сочетающиеся с концепцией сильного государства, способного при необходимости проводить очень жесткую линию против недовольных взятой на вооружение государства идеологией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Serpentine Alexia. Inappropriate, Irrelevant, Important: Richard Florida's 'Gay Index' and the Quest for Creativity. King's College London. January 2013. URL: https://www.academia.edu/11416729/Inappropriate_Irrelevant_Important_Richard_Florida_s_Gay_Index_and_the_Quest_for_Creativity.
2. Florida R. The Geography of Tolerance. URL: <https://www.citylab.com/equity/2012/07/geography-tolerance/2241/>.
3. Медведев С. Протоколы содомских мудрецов: почему толерантность важна для инноваций. 22.10.2013. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/246435-protokoly-sodomsikh-mudretsov-pochemu-tolerantnost-vazhna-dlya-inno>.
Medvedev S. Protocols of the wise men of Sodom: Why is tolerance important for innovation. 22.10.2013. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/246435-protokoly-sodomsikh-mudretsov-pochemu-tolerantnost-vazhna-dlya-inno>. (In Russ.).
4. Митрахович С. П. Отношения России и интеграционных партийных структур ЕС в дискурсе КППФ. *Власть*. 2019;(5):37–42.
Mitrakhovich S. P. Relations between Russia and EU integration party structures in CPRF discourse. *Vlast*. 2019;5:37–42. (In Russ.).
5. Kim, Sungmoon. Beyond liberal civil society: Confucian familism and relational strangership. *Philosophy East and West*. 2010;60(4):476–498.
6. Seligman Adam B. *The Idea of Civil Society*. N.Y.: Free Press; 1992. 420 p.
7. Davies Jonathan S., Holm-Hansen Jørn, Kononenko Vadim, Røiseland Asbjørn. Network governance in Russia: an analytical framework. *East European Politics*. 2016;32:2:131–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Станислав Павлович Митрахович — старший преподаватель Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
smitrahovich@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Stanislav P. Mitrakhovich — Senior Lecturer, Department of Political Science and Mass Communication, Financial University, Moscow, Russia
smitrahovich@fa.ru

Статья поступила 10.10.2019; принята к публикации 30.10.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.10.2019; accepted for publication on 30.10.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.